

ПОКЛОННИК «ПРОКЛЯТЫХ КОРОЛЕЙ»

МОСКОВСКОЕ. — 1996. — 28 февр. — С. 7.

Что было в шестидесятых, когда впервые напечатали романы Мориса Дрюона, посвященные проблемам представителей французской королевской династии? Книжный дефицит. Что было с Москвой семидесятых, когда приехал он сам? Лом. А что это значило для пунктов сдачи и приема макулатуры? Выполненный план. Потому что за сданные «бумажные» килограммы предлагалось вознаграждение — томик Мориса Дрюона. Именно поэтому на вопрос, что происходило вчера и позавчера с прессой девяностых, ответить очень легко: соревнование в беге и прочих атлетических упражнениях. Причина? К нам приехал наш любимый, король книжных мыльных опер, дорогой Морис Дрюон. Корреспондент «МК» первым смог получить интервью у классика. Всем остальным было предложено побегать за мастером и подождать удачи.

Фото Геннадия Черкасова

— В чем, вы полагаете, причины вашего огромного успеха в России?

— Я думаю, что русские — люди очень чувствительные, очень умные и обладают всеми достоинствами. И — самыми большими достоинствами, какими может обладать читатель. А если отвечать серьезно, в молодости на меня очень сильно повлияла русская литература. Особенно Толстой. Он всегда был образцом. Причем до такой степени, что где-то в подсознании он приближает меня к русской сентиментальности, к русской душе...

— А не собираетесь ли вы в таком случае написать о русских или даже советских царях?

— Сейчас уже поздно. Если когда-нибудь и стоило это сделать, то раньше.

— На вас очень повлияла классическая русская литература. Как вы оцениваете современную?

— К сожалению, я недостаточно с ней знаком, чтобы высказывать свое суждение.

— Насколько я знаю, у вас есть корни в России, не так ли?

— Некоторые из моих давних предков были выходцами из России. С Урала. Но это было очень давно.

— Из чего состоит день знаменитого французского писателя?

— Много работы. И не всегда я работаю над тем, что пишу. Я очень загружен как член Французской академии. Кроме того, я представляю французский язык и культуру за пределами моей страны. Как сегодня, например. Такого рода деятельности мне тоже частенько приходится отдавать много времени.

— Господин Дрюон, а вы не испытываете неко-

торого трепета при мысли о том, что вы — Вечный?

— Всем, что имею, я обязан французскому языку. И поэтому могу посвятить ему часть жизни. Являясь Вечным секретарем Французской академии, я как бы отдаю дань своей матери — французскому языку (на французском слово «язык» — женского рода. — А. К.). Ничего общего с мистикой и трепетом здесь нет.

— Как сильно изменились, на ваш взгляд, Москва за то время, что вы здесь не были?

— Невероятно. Огромные изменения. Я нахожусь под большим впечатлением от реставрированных старинных зданий. Изменилось само отношение к старинным зданиям. И даже то новое, что строится сейчас, очень отличается от возводимого раньше. Заметно, что появилось чувство ответственности за сохранение своего достояния, своего векового наследия, которое на самом деле очень свойственно русской душе.

— Каковы ваши планы на будущее?

— Я буду отдыхать до завтра. А на более далекое у меня нет планов. Бог велик.

— А как Морис Дрюон оценивает Мориса Дрюона?

— У-у-у! Сейчас я только устали! И больше ничего! А вообще я слишком занят, чтобы думать о таких вещах.

Анна КОВАЛЕВА.

Avec mes souhaits
cordiaux aux lecteurs
du *Moskovskiy Komsomol*
pour
l'année 20-11-96
Читателям «МК» с
сердечными пожеланиями.
Дрюон. Москва.

Как удалось корреспонденту «МК», программа пребывания Мориса Дрюона, писателя, бывшего министра культуры Франции и Вечного секретаря Французской академии, была более чем насыщенной и жестко укладывалась в два дня. В воскресенье вечером после прибытия его сразу же отвезли в резиденцию посла Франции Пьера Мореля. На следующий день — в понедельник — Морис Дрюон вместе с послом направился в Кремль для осмотра достопримечательностей, где их постигла неудача: в Кремле работал Борис Ельцин, и осмотреть удалось далеко не все. После прогулки писатель и посол вернулись во французское посольство.

Затем Морис Дрюон встречался с читателями во Французском культурном центре: корреспондентов там было почти столько, сколько читателей. Но приятную встречу подпортила (во всяком случае российской прессы) дама, оставшаяся неизвестной и заявившая, что никто не нуждается в переводе: «Нам и так все понятно!». К счастью, у корреспондента «МК» проблем с пониманием француза не возникло. А вечером Морис Дрюон поехал в столичные театры смотреть русскую классику.

До встречи с читателями писатель занялся именно тем, ради чего приехал в Россию — выступил председателем на заседании жюри, где были выбраны лауреаты двух французских премий. Ваксмахер (за лучший перевод с французского) получила русская переводчица Юлия Гинзбург за перевод «Мыслей» Блеза Паскаля, и Леруа-Булль (за лучшее произведение, посвященное Франции) присудили журналу «Новое литературное обозрение» за номер, полностью посвященный Франции.

Лауреаты были оглашены уже на следующий день, на приеме, который дали посол Франции и его жена. Вторник писатель провел также в обществе тех, кого поспешил двадцать лет назад, во время первого визита в Россию: утро досталось Третьяковской галерее, а день — редакции журнала «Иностранная литература». После чего слегка уставший Морис Дрюон и отправился на прием, устроенный в его честь, в честь лауреатов и премии.

— Господин Дрюон, как писатель, пишущий о далеком прошлом, смотрит на современность?

— А я не знаю, живем ли мы в современности, или в средневековье, или в доисторический период. Никто этого не знает. Техника изменит человека, и уже изменила. Сейчас новый этап в истории развития человечества — информационный. Я не могу сказать, хорошо это или плохо. Все зависит от того, каким образом употребит человек свою власть: сможет ли он с ней справиться или нет. Все современные средства связи — то, что способно изменить мир. И это же я могу сказать о биологии и обо всех тех науках, которые связаны с учением о человеке.

— Вы пишете исторические романы. Как велик зазор между исторической действительностью и вымыслом в художественном произведении?

— Все историки позволяют себе делать гипотезы: и экономические, и военные. А автор художественного романа занят созданием психологических гипотез.